

Глава 39. Неужели мастер женского переодевания может быть таким милым? (Часть 9)

«Что стряслось?» — пронеслось в голове у Чэн Пана.

Чжоу Вэй, прочитав сообщение в мессенджере, уставился на него тяжелым, немигающим взглядом. Его лицо потемнело от гнева, и он хранил молчание так долго, что тишина стала почти осязаемой.

Чэн Пан предпринял робкую попытку разрядить обстановку:

— Брат Вэй, давненько не виделись.

— О да, — процедил Чжоу Вэй сквозь зубы, — действительно давно. С тех пор как меня выписали из больницы, ты ни разу не соизволил меня навестить.

Совесь Чэн Пана болезненно екнула. В душе бушевал коктейль из неловкости, стыда и внезапного укола сочувствия.

— Ну... я был немного занят.

— Ещё бы, — Чжоу Вэй горько усмехнулся, а его взгляд, казалось, метал невидимые ножи. — Видимо, разрывался на части, пытаюсь раздвинуть свои пухлые, как сосиски, ноги сразу перед четырьмя кавалерами. Прямо-таки мастер на все руки... или ноги. Я впечатлен.

Сидевшие впереди водитель и телохранитель мысленно примерили на себя это сравнение и невольно поежились от возникшей перед глазами картины.

Взор Чжоу Вэя напоминал дуло заряженного пистолета, приставленного к самому виску Чэн Пана на расстоянии в пять миллиметров. В любой момент курок мог спустить смертоносный заряд ярости.

Чэн Пан виновато втянул голову в плечи. Его взгляд упал на помятую штанину Чжоу Вэя и ногу в гипсе, покоившуюся на специальной подставке. Он не выдержал:

— Брат Вэй, как твоя нога? Все ещё болит?

Чжоу Вэй опустил на него взгляд, полный тяжелой иронии:

— Хм, неужели ты наконец вспомнил, что нужно проявить участие?

Чэн Пан прекрасно понимал — он кругом виноват. Осознание того, что он ведет себя как

последний подонок, накрыло его с головой.

Он решительно поднял глаза и искренне произнес:

— Брат Вэй, прости меня. Я не хотел тебя обманывать.

— Вот как? — приподнял бровь тот.

— Я просто... я просто...

Чжоу Вэй замер в ожидании этого самого «просто».

Чэн Пан в замешательстве закусил палец. Причина никак не шла на ум. Он ведь не знал, что Цзи Ю уже выболтал лишнего, а потому был уверен: скажи он правду про задания системы, Чжоу Вэй сочтет его сумасшедшим.

А Чжоу Вэй в этот момент думал совсем о другом: «До чего же он милый. Даже когда хмурится, пытаюсь что-то придумать. Так и хочется ущипнуть его за шею, за эти пухлые щеки... или за мягкий животик».

Воспоминания о том вечере в ресторане хого, когда этот толстячок строил ему глазки и очаровательно кокетничал, окончательно лишили Чжоу Вэя покоя. В нем проснулось постыдное, но непреодолимое желание прижать это мягкое тело к кровати и на собственном опыте проверить, правда ли, что такие люди «нежны, податливы и удивительно упруги».

Чэн Пан выглядел... невероятно аппетитно.

Чжоу Вэй судорожно сглотнул.

Чэн Пан, вспомнив какую-то расхожую цитату из интернета, прижал ладонь к груди и с глубоким трагизмом в голосе выдал:

— Все это — моя вина. Я — подонок, у меня нет сердца. К тому же я жирный, страшный и нищий. И совесть меня совсем не мучит!

Чжоу Вэй на мгновение лишился дара речи.

—... То есть ты хочешь сказать, что я совсем ослеп, раз позарился на такого жирного, страшного и нищего уродца?

— Нет-нет! — Чэн Пан замахал руками. — Я вовсе не это имел в виду!

— А что тогда?

— Я хотел сказать... что масштаб моего свинства превосходит любое воображение.

— Хех.

Чжоу Вэй усмехнулся. Любопытно. Он впервые видел человека, который бы с таким упорством поливал себя грязью.

Он не сводил глаз с покрасневшегося лица Чэн Пана.

После той встречи в хого-ресторане он всю ночь ворочался в постели от снедавшего его жара. В голове то и дело всплывали образы этого мягкого, пышного тела. В ту памятную полночь он даже прошерстил интернет в поисках «особых техник», готовясь в ближайшее время направить своего избранника на путь истинной социалистической гармонии.

Кто же знал, что не пройдет и месяца, а этот проныра успеет охмурить еще четверых!

Действительно, «свинство» поразительных масштабов.

— Знаешь, — вкрадчиво начал Чжоу Вэй, — когда мы в последний раз ехали в этой машине, ты клялся мне в любви.

«Тогда у меня просто не было другого выхода...» — мысленно оправдывался Чэн Пан.

— А когда я привез тебя к себе домой, ты меня поцеловал.

«Это был тактический маневр...»

— Ты даже нарисовал мою карикатуру и истыкал её дырками. Я до сих пор храню тот листок.

«Это вышло совершенно случайно!»

Чжоу Вэй наклонился к самому уху Чэн Пана и прошептал:

— И кто же это нашептывал мне такие ласковые слова?

Чэн Пан закрыл лицо руками, сгорая от стыда:

— Я виноват, признаю!

«Боже, какой же я негодяй. Настоящий мерзавец».

До этого он считал, что «подонок» — это тот, кто изменяет, но теперь понял: истинное коварство — это сначала приручить человека, а потом дать задний ход. Он натворил слишком много дел.

Немного отстранившись, Чжоу Вэй добавил чуть более спокойным тоном:

— Впрочем, я пришел сюда не для того, чтобы устраивать тебе сцены.

Чэн Пан осторожно выглянул из-за ладоней:

— А?

— Ты ведь помнишь того кота?

— Помню.

— Он сейчас у меня. Я отвезу тебя к нему.

— Но он же был в ветклинике?

— О, так ты помнишь, что он был в больнице? — голос Чжоу Вэя снова стал колючим. — Я хотел отдать его тебе на воспитание. Но ты, конечно же, об этом забыл. Мой отец сейчас чувствует себя виноватым передо мной и готов выполнить любую прихоть, так что я забрал кота к себе.

Услышав это, Чэн Пан почувствовал, как чувство вины затапливает его с новой силой. Мало того, что он бросил питомца, которого обещал забрать, так ещё и Чжоу Вэй сейчас переживал семейную драму, и настроение у него явно было на нуле.

— Ты ведь не откажешься хотя бы навестить его? — спросил Чжоу Вэй.

Чэн Пан шмыгнул носом:

— Конечно, навещу.

В самом деле, если он и сейчас откажет, то его вообще нельзя будет назвать человеком.

Получив утвердительный ответ, Чжоу Вэй едва заметно улыбнулся. Отворачиваясь к окну, он скрыл довольный блеск в глазах.

Вскоре машина затормозила у ворот виллы Чжоу Вэя.

Телохранитель первым выскочил наружу и почтительно распахнул дверцу.

Чэн Пан выбрался из салона.

Следом, опираясь на костыль, показался Чжоу Вэй.

— И где кот?

— В моей комнате.

— Понятно.

Чэн Пан поплелся за прихрамывающим Чжоу Вэем. Это был его второй визит в этот дом.

Они пересекли холл, поднялись по лестнице и подошли к белой двери в правой части второго этажа.

Чэн Пан первым зашел в комнату и включил свет. В глаза сразу бросилась огромная кровать с красным покрывалом, а рядом с ней — какие-то странные приспособления.

«Постойте, а где же кот?»

Он огляделся по сторонам и, не обнаружив и следа животного, обернулся, столкнувшись с обжигающим, темным взглядом Чжоу Вэя.

Атмосфера в комнате внезапно стала угрожающей.

— Ты... ты что задумал? — Чэн Пан попятился.

Чжоу Вэй небрежным жестом сорвал галстук и швырнул его на кровать. Его черты заострились.

— А ты как думаешь?

«Он что... собирается меня... отыметь?!»

— Не подходи! Слышишь, не подходи!

Чэн Пан не заметил, как уперся коленями в край кровати, и повалился на спину.

Чжоу Вэй уже навис над ним. Отбросив костыль, он уперся руками в матрас по обе стороны от головы Чэн Пана, отрезая все пути к отступлению.

— Брат... Брат Вэй, я же знаю, ты хороший человек. Ты не сделаешь ничего такого...

— Хороший? — Чжоу Вэй издевательски хмыкнул и бесцеремонно схватил Чэн Пана за подбородок. — Хорошие люди как раз и созданы для того, чтобы такие, как ты, их обманывали. Раз уж ты решил гулять направо и налево, мне стоило проучить тебя давным-давно. Ты, бесстыжий жирный искуситель!

Чэн Пан в ужасе завопил:

— А-а-а-а! Помогите! Спасите кто-нибудь!

Внизу водитель и двое телохранителей невозмутимо закурили, поглядывая на освещенные окна второго этажа.

— Слышь, — обратился телохранитель А к коллеге, — ты подготовил все, что просил молодой господин?

— Обижаешь, — отозвался телохранитель Б. — Презервативы, лубриканты, новое белье... Всех видов, по три бренда на выбор.

— Хорошо.

— Я еще и фоновую музыку настроил. Надеюсь, босс проявит напор и возьмет крепость штурмом с первого раза.

— Музыка — это правильно, — кивнул первый. — Нужна романтика, все-таки у них впервые. Что за поставил? Заграничное что-то?

В комнате Чжоу Вэй как раз наклонился, чтобы коснуться губ Чэн Пана.

В этот момент из Bluetooth-колонки грянула классическая китайская мелодия. Сначала послышалось щебетание птиц, затем шум ветра и плеск водопада, и наконец густой мужской

голос начал торжественно и с выражением декламировать стихи:

«Хризантему сорвал у восточной ограды я в поле,

И вдали показались привольно южные горы.

Как прекрасен закат, и туман над горами клубится,

И на отдых летят в свои гнезда усталые птицы...»

Чжоу Вэй:

—...

<http://bllate.org/book/17527/1699625>